

Фильмы Годара и Белоккио готовили европейскую «культурную революцию». Новое поколение тоже обещает революцию, но не спешит на баррикады

культурная политика | МИХАИЛ ТРОФИМЕНКОВ

Революция стала слишком культурной

Коммерсантъ. - 2006. - 23 марта. - с. 21.

Сорок лет назад вслед за сигналом к началу «культурной революции» призывом председателя Мао открыть «огонь по штабам» многих китайских творцов подвергли остракизму и отправили на перевоспитание в деревни. Для многих из них это было буквально смертельным испытанием. А их европейские и американские коллеги то и дело перевоспитываются добровольно, безопасно, почти комфортабельно.

Вслед китайским маоистам лидер французского «нового романа» Ален Робб-Грийе предложил тогда свой, замешанный на сексуальном садизме «Проект революции в Нью-Йорке». Микеланджело Антониони отправился «к истокам», в путешествие по Китаю, где снял документальный фильм. Его младший соотечественник Марко Белоккио заявил самим названием своего фильма: «Китай близко!» (1967). А великий документалист Роберт Креймер перешел на язык игрового кино. На афише его саги о городских партизанах «Лед» (1970) красовалась голая спина с надписью: «Человечество будет счастливо, когда послед-

ний бюрократ захлебнется в крови последнего капиталиста». Самые благополучные киношники вели себя почище хунвейбинов, повиснув на каннском занавесе: какой фестиваль, если в Париже революция.

Полномочным послом «культурной революции» в Европе стал Жан-Люк Годар, буквально реализовавший маоистское требование опроститься. Его «Китайка» (1967) была снята с технической точки зрения еще традиционно, но была двухчасовым диспутом юных коммунаров о революции, власти, положении женщин. В финале они отправлялись убивать «советского министра культуры Михаила Шолохова» за призыв расстрелять Синявского и Даниэля. Но вскоре Годар отказался и от статуса режиссера. Убрав свое имя из титров, укрывшись за коллективным псевдонимом «группа Дзиги Вертова», он перешел на выпуск «кинолистовок» на 16-миллиметровой пленке, называв своей соавтором пролетария Жан-Пьера Горена, снимал в Иордании по заказу ООП. Казалось, коммунистическое подполье распространилось на всех европей-

ских интеллектуалов, но сам председатель Мао был тут почти ни при чем. В его «Красной книжечке», библии «культурной революции», всего восемь высказываний о культуре: семь за 1940–1944 годы, одно 1957 года (знаменитое «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ»). Вообще-то Мао был гением афоризма «Винтовка рождает власть», «Атомная бомба — бумажный тигр». Но, говоря о культуре, он жевал жвачку диамата о партийной организации и партийной литературе, единстве формы и содержания. Тоска. Просто для европейцев он сам был метафорой «третьего пути», вне капитализма и неосталинизма, единственным политиком, впусившим молодежь в политику.

С тех пор все, казалось бы, вернулось на круги своя. Антониони, Годар, Креймер — в нормальное кино. Философ, режиссер и «окультурный гений» мая 1968 года, признав свое поражение в новом мире, Ги Дебор застрелился в 1995 году. Память о европейской «культурной революции» освоена ретро: пожилые мастера вспоминают о танцах

в клубах слезоточивого газа. Бернардо Бертолуччи снял «Мечтателей» (2003), Филипп Гаррель — «Обыкновенных любовников» (2005), Фолькер Шлендорф — «Покой после выстрелов» (2000), реквием по немецкой «Фракции красной армии». «Ветераны» отвергают любые параллели между собой и бушующими студентами Сорбонны.

Между тем поражает сходство не только и не столько между хроникой тогдашних и сегодняшних волнений в Париже: в конце концов, улицы те же, а все драки похожи друг на друга. Сорок лет назад бунтовщиков объединяло неприятие войны во Вьетнаме. Теперь — войны в Ираке. Тогда философ Режи Дебре примкнул к отряду Че Гевары. Теперь интеллектуалы совершают паломничество к субкоманданте Маркосу. Призывы Годара «создать один, два, три Вьетнама» внутри киноимперии «Голливуд—Чинечитта—Мосфильм—Пинвуд» рифмуются с нынешней борьбой европейцев против голливудских блокбастеров. Годар мечтал раздать палестинцам и забастовщикам портативные камеры, чтобы они стали творцами и познали

самих себя. Теперь эту революционную миссию за него выполнили крупные корпорации, вооружив массы цифровым видео.

Хоть сейчас можно снова выпускать на экраны, но уже как манифест не маоизма, а антиглобализма, «Мистера Фридом» (1968) великого фотографа Вильяма Клейна. Техасский шериф, похожий одновременно на бейсболиста и Супермена (чем не Буш-младший), паля во все стороны, мчится учить свободе и демократии Францию, «страну 50 миллионов гомосексуалистов». Сговаривается о разделе мира с Мужикменом, чередует угрозы всех замочить с рекламой дезодорантов и, наконец, сбрасывает атомную бомбу на Париж.

А по сравнению с фильмами текущего киноносезона, которые вызывают сенсации на кинофестивалях, годаровское покушение на «Шолохова» кажется детской шалостью. В «V — это вендетта» Джеймса Мактига одинокий борец против фашистской, исламо- и гомофобской диктатуры, воцарившейся в Англии, взрывает при всенародном ликования здание парламента. В «Бай-бай, Берлус-

кони» Яна Генрика Штальберга киношники-оппозиционеры похищают и судят — через интернет — народным судом итальянского премьер-министра, спрятанного за прозрачным псевдонимом типа синьор Помидор. И даже, казалось бы, конформист Микеле Плачидо в «Детективе» открыто обвиняет итальянские власти 1970-х годов в том, что это они, а вовсе не боевики «Красных бригад», настоящие убийцы лидера христианских демократов Альдо Моро.

Сходства много. Но есть одно отличие, которое это сходство ставит под сомнение. Культурная подготовка антиглобалистского бунта и «культурной революции» не гениальны. Фермер Бувье, протаранивший на тракторе «Макдональдс», не ровня Ги Дебору. Мактиг и Штальберг никогда не станут Годаром и Клейном. Че не тратил столько времени на интервью, сколько тратит Маркос. Бегбедер даже не Робб-Грийе. И, что главное, никто не крикнет: «Огонь по штабам!» Нет председателя Мао, даже в качестве метафоры. Возможно, отправки в деревню все-таки удастся избежать.